

На правах рукописи

Дебенова Зинаида Анциферовна

**Бурятские генеалогические предания: структура, семантика,
интертекстуальные связи**

Специальность 5.9.4. Фольклористика
(филологические науки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ
2025

Работа выполнена в лаборатории «Центр переводов с восточных языков» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель	Дашибалова Дарима Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
Официальные оппоненты	Хабунова Евдокия Эрендженовна, доктор филологических наук, профессор Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова» Донгак Антонина Саар-ооловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Государственного бюджетного научно-исследовательского и образовательного учреждения «Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва»
Ведущая организация	Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

Защита диссертации состоится 12 февраля 2026 г. в 14.00 ч. на заседании диссертационного совета 24.1.083.02 на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат разослан

«__» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

д. филол. н.

 Н. Б. Даржаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Одна из фундаментальных тем, наличествующих в любой мировой культуре – это тема этиологии – происхождения различных явлений и объектов. В фольклорных традициях представления о возникновении мира, человечества, отдельных народов, природных явлений и культурных практик отражают базовые когнитивные модели и мировоззренческие установки, характерные для той или иной группы. Подобные воззрения не только выражают стремление человека к осмыслению окружающей действительности, но и играют ключевую роль в формировании его идентичности, закреплённой в системе традиционных знаний и представлений о мире.

В фольклоре бурят особое место среди повествований этиологического толка занимают нарративы, посвященные возникновению этнических групп — племен и родов. Как отмечает В. В. Трепавлов, «родовая и племенная идентичность в прошлом составляли основной и самый прочный слой индивидуального и группового самосознания»¹. Генеалогическое восприятие прошлого, основанное на интерпретации истории через жизнеописания предков, в течение длительного времени выступало в качестве одного из ведущих способов осмысления мира и места человека в нём.

Передача из поколения в поколение сведений о происхождении своего рода выступает важным механизмом сохранения и трансляции культурной памяти. Именно поэтому нарративы о происхождении этнических групп составляют значимый пласт фольклора многих народов, в том числе и бурят, в традиции которых они получили многогранное выражение.

Степень изученности вопроса. Можно выделить две основные традиции изучения генеалогических преданий бурят в отечественной науке, условно обозначив их как «историческая» и «филологическая».

К исторической традиции в первую очередь относятся исследования проблем этногенеза бурятского народа. Первые

¹Трепавлов В. В. Сакральная топография улуса Джучи // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 112

работы, в которых упоминались и описывались предания о происхождении племен и родов, появились в период с середины XVIII в. до начала XIX в., они положили начало бурятоведению как научной области. Авторами этих трудов были первые путешественники и исследователи, посещавшие территории проживания бурят и активно документировавшие устные предания местного населения об их происхождении.

В первом научном труде по истории Сибири – работе Г. Ф. Миллера «Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена» (1750) – упоминается устное предание о братьях Элете и Буряте, разделившихся в результате ссоры. В той же работе упоминается «некоторая древняя повесть», которая, очевидно, представляет собой устное предание².

Мы полагаем, что именно с этой работы берет начало историко-этнографическая традиция изучения генеалогических преданий, для которой характерна интерпретация фольклорных текстов в контексте исследования этногенеза, истории, обычаев и традиций бурятского народа и соседствующих с ним этнических групп.

В работе И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» (1799) говорится, что «вид, язык, образ жития... и как собственные их предания, и исторические известия монголов и калмыков [подтверждают], что они суть монгольский народ, единоплеменный с монголами и калмыками»³.

Как мы видим, уже в первых научных работах о бурятах существовала тенденция трактовки устных нарративов в контексте исследований этногенеза со ссылкой на этнографические материалы.

²Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел, от начала особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб.: Императорская академия наук, 1750. С. 21-26.

³Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. - Ч. 4: о народах монгольских, об армянах, грузинах, индийцах, немцах, поляках и о владычествующих россиянах, с описанием всех именованний козаков, также история о Малой России и купно о Курландии и Литве изд. СПб.: б. и., 1799. С. 24.

Период середины XIX – начала XX вв. можно охарактеризовать как этап фиксации и предварительной систематизации текстов бурятского фольклора, в том числе генеалогических преданий. В это время расширяется деятельность региональных подразделений Императорского Русского географического общества (ИРГО). В 1851 году был основан Сибирский отдел ИРГО, который в 1877 году был преобразован в Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОРГО). В 1894 году открывается Троицкосавско-Кяхтинский отдел Приамурского отдела ИРГО. На страницах периодических изданий этих организаций публикуются статьи, очерки, этнографические записи и переводы устных преданий⁴.

Значительный вклад в изучение бурятских генеалогических преданий внесли также региональные газеты. В «Иркутских губернских ведомостях» и «Забайкальских областных ведомостях» были опубликованы легенды о происхождении хоринских бурят, записанные К. К. Стуковым, Б. Норбоевым, и В. Паршиным⁵.

Особого внимания заслуживает статья К. К. Стукова, опубликованная в «Памятной книжке Иркутской губернии» за 1881 год под названием «О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности (по чисто народным

⁴ *Смолев Я. С.* Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1898 [1900]. Т. 1, вып. 3. С. 79–135; *Бурдуков А. В.* Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1911. Т. XIV. Вып. 1–2. С. 54–59; *Подгорбунский И. А.* Из мифологии монголов и бурят-шаманистов // Сибирский сборник. 1894. Т. 5; 1895. Т. 6; *Подгорбунский И. А.* Шаманистические верования монголов и бурят. Иркутск: Типография А. А. Сизых, 1895. 80 с.

⁵ *Стуков К. К.* Взгляд на происхождение и переход в подданство России кочующих за Байкалом хоринско-агинских монголо-бурят с кратким очерком вторжения и распространения между ними ламайской пропаганды, составл. на основании рукописных легенд, рассказов стариков, песен и кой-каких официальных бумаг // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 33. Отдел второй. Неофициальная часть. С. 1–7; *Норбоев Б.* Легенда о происхождении хоринских инородцев // Забайкальские областные ведомости. 1866. № 24–25; № 7, 10; *Паршин В.* Происхождение хоринских бурят // Иркутские губернские ведомости. 1865. № 29.

легендарным преданиям)»⁶. В данной работе автор не только приводит записанные им тексты преданий о происхождении бурятских племен (булагат, эхирит и хори), но и осуществляет их подробный исторический анализ с учетом научных подходов того времени.

В целом для работ дореволюционного периода характерно делать выводы об этногенезе и истории бурят и интерпретировать генеалогические нарративы как отражение реальных событий.

В этот же период появляются первые исследователи, получившие европейское образование, которые начали фиксировать и изучать бурятский фольклор с точки зрения западной науки. Восточно-Сибирский отдел РГО выпускает сборники текстов, записанных П. П. Баторовым и Н. И. Затопляевым, М. Н. Хангаловым⁷, публикуется «Балаганский сборник» М. Н. Хангалова⁸. В этот же период начинается активная собирательская работа С. П. Балдаева. Параллельно формируется корпус местных исторических хроник, где также фиксируются фольклорные предания⁹.

После революции 1917 года вопрос этногенеза бурят приобрел особую актуальность в связи с началом национального движения, создания национальной автономии и первых научных учреждений, специализировавшихся на истории бурятского народа.

Следует выделить работу М. Н. Богданова и Н. Н. Козьмина «Очерки истории бурят-монгольского народа»¹⁰, в которой авторы рассматривают вопросы формирования бурятского этноса через призму разных источников, в том числе и фольклорных. Предания о происхождении племен булагат, эхирит и хори также упоминаются в статье Б. Барадина «Бурят-монголы. Краткий исторический очерк

⁶ Стуков К. К. О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности (по чисто народным легендарным преданиям) // Памятная книжка Иркутской губернии за 1881 г. Иркутск: Иркут. губ. стат. ком., 1881. С. 162–190.

⁷ Бурятские сказки и поверья, собранные М. Н. Хангаловым, О. Н. Затопляевым и др. Т. 1, вып. 1 // Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Иркутск, 1889. 314 с.

⁸ Хангалов М. Н. Балаганский сборник: сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1903. 304 с.

⁹ Бурятские летописи / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство (Курумканская типография), 1995. 198 с.

¹⁰ Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа: с доп. ст. Б. Б. Барадина и Н. Н. Козьмина. Верхнеудинск: Бурят-Монгольское изд-во, 1926. 229 с.

оформления бурят-монгольской нации»¹¹. Важным этапом в изучении этногенеза бурят стала работа Г. Н. Румянцева «Происхождение хоринских бурят»¹², где автор подробно анализирует генеалогические предания и их роль в реконструкции истории одного из крупнейших бурятских племен. Значительный вклад в исследование бурятских родословных и исторических хроник внесла монография Ц. Б. Цыдендамбаева «Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование»¹³, в которой рассматриваются вопросы взаимодействия устной и письменной традиций, а также предпринимается попытка реконструировать этногенез бурят по их преданиям и этнонимам.

В советский период продолжилась публикация бурятских фольклорных текстов в рамках деятельности научных организаций, занимавшихся этнографией, фольклором и историей бурят. В 1920 – 1930-е годы площадками для публикации фольклорных материалов стали «Бурятоведческий сборник» (Иркутск) и журнал «Бурятияведение» (Верхнеудинск), выходившие при научных обществах и краевых учреждениях¹⁴. В «Записках Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры» (ЗБМНИИК)¹⁵. В 1990 г. вышел в свет сборник фольклорных текстов «Буряадарадай түүхэ домогууд»¹⁶ (Бурятские народные исторические предания), составителем которого является В. Ш. Гунгаров.

Особое место в истории изучения бурятского устного наследия занимает активная собирательская и исследовательская

¹¹ Бардин Б. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской нации // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 39–52.

¹² Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Изд-во АН СССР, 1962. 265 с.

¹³ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные: Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972. 662 с.

¹⁴ Хантаев П. Т. Предания о бурятских родах Эхиритского племени// Бурятоведческий сборник. Иркутск, 1930. Вып. 6. С. 43–54; Хадагнэ К. А. Предания о бурятских родах в Боханском аймаке// Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 85–88.

¹⁵ Линхобоев Г. Л. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят // Записки БМНИИК. Улан-Удэ, 1955. С.121-131; Балдаев С. П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Записки БМНИИК. Улан-Удэ, 1958. Т. 25. С. 152-177.

¹⁶ Буряад арадай түүхэ домогууд. Улан-Удэ, 1990. 176 с.

деятельность С. П. Балдаева (1889-1979). Учёный на протяжении многих десятилетий проводил полевые экспедиции по всей этнической Бурятии, концентрируя особое внимание на родословных преданиях, легендах о происхождении родов, сказаниях о расселении и миграциях племён. Результатом этой кропотливой работы стала публикация сборника «Родословные предания и легенды бурят. Булагаты и эхириты»¹⁷, а также выход второй части «Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты»¹⁸, подготовленной на основе материалов из обширного личного архивного фонда исследователя.

В архивных фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (далее – ЦВРК ИМБТ СО РАН) хранится богатая фольклорная коллекция. Благодаря упорной работе собирателей был сформирован корпус текстов, который и сегодня остается важной основой для изучения фольклора бурят в целом и генеалогических преданий в частности.

Научные работы и фольклорные экспедиции, проводимые в советский период, заложили основу для дальнейшего изучения генеалогических преданий бурят, сочетая в себе элементы фиксации устной традиции и научного анализа.

Генеалогические предания активно используются в исследованиях проблем этногенеза и современными учеными. На современном этапе подобные исследования являются междисциплинарными; в них анализ фольклорных текстов интегрируется с данными археологии, лингвистики и других наук.

¹⁷Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1: Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. 363 с.

¹⁸Балдаев С. П. Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2010. 368 с.

Среди значимых исследований этой области выделяются работы Б. З. Нанзатова¹⁹, Б. Р. Зориктуева²⁰, Б. С. Дугарова²¹.

Фольклористика, оформившаяся в XIX в. в качестве самостоятельной научной дисциплины, обрела собственное предметное поле и методологический аппарат, что позволило выделить ее из смежных областей знания, таких как литературоведение, этнография и история. Этот процесс способствовал становлению так называемой «филологической» традиции изучения генеалогических преданий, которая акцентировала внимание на текстуальном анализе, жанровых особенностях, структуре и семантике.

История изучения генеалогических преданий в бурятской фольклористике берет начало с работы Н. О. Шаракишиновой, которая в учебном пособии «Бурятский фольклор»²² впервые выделила генеалогические предания в составе мифов и легенд. Существенное развитие понятийного аппарата жанра произошло благодаря исследованиям С. С. Бардахановой, которая в монографии «Система жанров бурятского фольклора»²³ определила генеалогические предания как самостоятельную группу с внутренней классификацией по содержанию и функциям. М. И.

¹⁹ Нанзатов Б. З. Забайкальские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение; Ответственный редактор М. М. Содномпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 290 с.; Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.

²⁰ Зориктуев Б. Р. К истории племенной группы хори // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 3(43). С. 13–19; Зориктуев Б. Р. Наян-Нава и проблема этногенеза бурятской племенной общности хори // Научный диалог. 2020. № 5. С. 393–423; Зориктуев Б. Р. О малоизвестных аспектах этнической истории хори // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4(34). С. 127–132.

²¹ Дугаров Б. С. Фольклорно-мифологические аспекты образа Буха-нойона // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: традиции и инновации межкультурного взаимодействия: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 07–08 октября 2015 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. ин-т культуры, 2015. С. 214–221; Дугаров Б. С. Хоролоры: этнофольклорная характеристика и бурятские параллели // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 10. С. 205–209.

²² Шаракишинова Н. О. Бурятский фольклор. Иркутск: Кн. изд-во, 1959. 228 с.

²³ Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора / отв. ред. А. Б. Соктоев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. 238 с.

Тулохонов²⁴, в свою очередь, сфокусировал внимание на различии между мифологическими и историко-генеалогическими компонентами этих текстов, подчеркивая их информативно-познавательную природу. Альтернативную классификацию предложил В. Ш. Гунгаров²⁵, отметив двойственную природу генеалогических преданий как источников мифологических сюжетов и историко-этнографических сведений. В монографиях Л. Ц. Малзуровой²⁶ уточнены жанровые границы между легендой и преданием, историзм обозначен как главный критерий предания. Таким образом, эволюция подходов к определению и классификации генеалогических преданий в бурятской фольклористике отражает постепенное усложнение теоретико-методологических оснований, сочетающих тематический, функциональный и нарративный анализ.

Среди современных исследователей также стоит выделить Б. Б. Бадмаева. В его кандидатской диссертации «Легендарно-исторические герои в сказочной прозе бурят»²⁷ в качестве объекта исследования выступают генеалогические, родовые и племенные легенды и предания, исторические предания и устные рассказы, а также ряд исторических песен. Автор рассматривает легенды булагатов, эхиритов, хоринцев и хонгодоров в контексте их исторической эволюции, исследует образы родоначальников четырех бурятских племен, вопросы культа предков.

В работах Н. Б. Дашиевой²⁸ генеалогические повествования анализируются с точки зрения календарной обрядности.

²⁴ Тулохонов М. И. Генеалогические легенды и предания как источник по этнической истории бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, 1989. С. 164–171.

²⁵ Гунгаров В. Ш. Современное бытование бурятских легенд и преданий (по материалам полевых исследований в Бурятии и Монголии в 70–90-х гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09. Улан-Удэ, 1993. 21 с.

²⁶ Малзурова Л. Ц. Жанровая специфика, типология бурятских легенд и преданий: научное издание. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2012. 233 с.; Малзурова Л. Ц. Легенды и предания хонгодоров. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2006. 128 с.

²⁷ Бадмаев Б. Б. Этническая генеалогия бурят: современное состояние бытования и изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 81–85.

²⁸ Дашиева Н. Б. Календарь в традиционной культуре бурят: опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования. М: Изд-во “Наука” –

Исходя из обзора приведенных выше работ, можно сделать вывод, что тексты генеалогического толка в большинстве случаев привлекаются именно в исследованиях исторического и этнографического плана. Авторы зачастую принимают и подчеркивают тот факт, что фольклорные тексты – недостоверный исторический источник, но продолжают применять методы исторического анализа.

В поле фольклористики, в системе жанров бурятского фольклора генеалогические предания выделяются на основании тематической классификации.

Примечательно, что прежде никто не обращался к методологии структурного анализа с целью выявления закономерностей повествовательных конструкций бурятских генеалогических преданий. Можно лишь отметить несколько работ, в которых частично применен структурный анализ. Это диссертационное исследование Е. В. Павлова²⁹, посвящённое культу Буха-нойона, где автор ставил задачу выявить инвариантное семантическое ядро мифа о божестве и проанализировать связь повествовательной структуры с обрядовой практикой его почитания. Похожую цель также преследовал монгольский ученый С. Дулам в своей статье «Буха ноён как объект поклонения монгольских народов»³⁰. Что касается комплексного анализа всего пласта генеалогических текстов как особой области бурятского фольклора, то мы можем констатировать отсутствие подобных работ.

Объект исследования – бурятские фольклорные нарративы генеалогической тематики, **предмет** – их структурная организация и интертекстуальные связи.

Восточная литература, 2015. 239 с.; *Дашиева Н. Б.* Генеалогический миф бурят племени Хори: календарь и обряд // Научный диалог. 2021. № 3. С. 363–379.

²⁹Павлов Е. В. Семантика религиозно-мифологического образа Буха-нойона: к проблеме происхождения культа териоморфного предка булагатов: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Улан-Удэ, 2000. 29 с.

³⁰Дулам С. Буха ноён как объект поклонения монгольских народов// Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур: Материалы IV международного научного симпозиума. Том II. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. С. 5–36.

Цель исследования – выявление закономерностей структурной организации и интертекстуальных связей бурятских фольклорных генеалогических повествований.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- В научный оборот вводятся ранее не публиковавшиеся генеалогические тексты бурят, хранящиеся в архивных фондах ЦВРК ИМБТ СО РАН.

- Впервые осуществлён структурный анализ корпуса бурятских генеалогических повествований как самостоятельной фольклорной традиции, выявлены мотифемы, мотивы и алломотивы как элементы структурной организации генеалогических нарративов.

- Установлены интертекстуальные связи генеалогических преданий с письменными текстами (хрониками, родословными таблицами).

- В бурятском фольклоре впервые выделен жанр генеалогических прозвищ-присловий, описаны его поэтические особенности и интертекстуальные связи.

Задачи исследования:

1. Выделить мотифемы, мотивы и алломотивы в структуре генеалогических повествований.

2. Определить специфику парадигматических и синтагматических отношений между структурными единицами бурятских генеалогических повествований.

3. Исследовать интертекстуальные связи генеалогических преданий с историческими хрониками.

4. Исследовать интертекстуальные связи генеалогических преданий с генеалогическими таблицами.

5. Выявить жанровую специфику генеалогических прозвищ-присловий, как жанра бурятского фольклора.

Материал. Источниковую базу данной работы составили записи бурятских фольклорных текстов XVIII–XX вв.: 1) опубликованные материалы, среди которых представленные в а) единичных публикациях в периодических изданиях; б) сборниках фольклорных текстов; 2) неопубликованные архивные материалы фольклорных и этнографических экспедиций, хранящиеся в научном архиве Центра

восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН; а также бурятские исторические хроники XVIII – нач. XX вв.

Теоретико-методологическая база. Теоретическую основу диссертации составляют современные подходы к исследованию фольклорных жанров, структурной организации повествовательных текстов, а также междисциплинарные концепции, теории, методы, применяемые в анализе коллективной памяти и механизмов её трансляции.

В вопросе изучения жанра генеалогических преданий исследование опирается на работы теоретиков фольклора и литературы, в которых осмысливается проблема определения и классификации жанров сказочной прозы: В. Я. Проппа³¹, В. Н. Топорова³², И. И. Земцовского³³, Н. А. Криничной³⁴, Б. Н. Путилова³⁵, Е. С. Новик³⁶, С. Ю. Неклюдова³⁷. В частности, учитываются подходы, признающие условность жанровых границ в устной традиции, а также трактовки жанров как генеративных моделей, способных порождать устойчивые нарративные формы. Особое значение имеет концепция жанра как системы, обладающей структурной целостностью и функциональной направленностью. Определенное значение для нашего исследования имеет также работа Е. Л. Тихоновой³⁸, в которой сформулированы значимые особенности жанра предания.

³¹Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л.: Госуд. тип. изд. «Ленинградская Правда», 1928. 149 с.; Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 205–240.

³²Toporov V. N. Folk Poetry: General Problems // Current Trends in Linguistics. Vol. 12: Linguistics and Adjacent Arts and Sciences. The Hague; Paris: Mouton, 1974. P. 683–739.

³³Земцовский И. И. К теории жанра в фольклоре // Советская музыка. 1983. № 14. С. 61–65.

³⁴Криничная Н. А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры / Отв. ред. В.К. Соколова. Л.: Наука, 1987. 227 с.

³⁵Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 235 с.

³⁶Новик Е.С. Фольклор – обряд – верования: опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры <https://new.ruthenia.ru/folklore/novik2.htm>

³⁷Неклюдов С. Ю. Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–38.

³⁸Тихонова Е. Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов Байкальского региона: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.09. Улан-Удэ, 2018. 540 с.

Для определения специфики генеалогических повествований были использованы положения, разработанные бурятскими исследователями, внесшими вклад в изучение жанровой специфики несказочной прозы, среди них работы Н. О. Шаракшиновой [1959, 1980], М. И. Тулохонова [1989], С. С. Бардахановой [1992], Л. Ц. Малзуровой [2006, 2012], В. Ш. Гунгарова [1993], Б.-Х. Цыбиковой [2018, 2025] и др.

Среди методов исследования основополагающим в нашей работе является структурный анализ, базирующийся на дихотомическом подходе к пониманию мотива³⁹, развиваемом в трудах А. Дандеса (Dundes) [1962] и Н. Г. Черняевой [1980]. В рамках этого подхода используются три уровня анализа: мотиве́ма как инвариантная схема взаимодействия между субъектом и объектом, мотив как конкретное воплощение сюжетной ситуации, алломотив как текстовая реализация мотива в конкретном повествовании. Концепция мотиве́мы позволяет рассматривать генеалогические предания как устойчивые структуры, организующие историческую и этнокультурную память. Подход Н. Г. Черняевой оказался продуктивным для анализа бурятского материала: он позволяет выявить и соотнести уровни инвариантности и вариативности в фольклорной традиции.

При анализе мотивной структуры нарративов применяется также семиотический и нарратологический инструментарий, опирающийся на труды В. Я. Проппа⁴⁰, Е. М. Мелетинского⁴¹, К. Леви-Стросса⁴².

Кроме того, в исследовании используется методология *memory studies* (исследований памяти) — междисциплинарного направления,

³⁹Силантьев И. В. Теория мотива и проблемы мотивного анализа. М: Издательский дом ЯСК, 2024. С. 45–48.

⁴⁰Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Л: Госуд. тип. изд. «Ленинградская Правда», 1928. 149 с.; Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 205–240; Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред. И. В. Пешков. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

⁴¹Мелетинский Е. М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977. С. 152–170.; Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. 2-е издание, исправленное. М.: РГГУ, 2019. 172 с.

⁴²Леви-Стросс К. Мифологии. Т.1: Сырое и приготовленное. М.: Университетская книга, 2000. 400 с.

фокусирующегося на механизмах сохранения, трансляции и репрезентации коллективной памяти. В рамках этого подхода фольклорные тексты рассматриваются не как исторические источники, а как культурные формы, обеспечивающие идентичность группы через мифологизацию прошлого. Теоретическую базу этого направления составляют труды У. Онга⁴³, Я. Вансины⁴⁴, Я. Ассмана⁴⁵.

Таким образом, сочетание структурно-семиотического, культурно-антропологического и интертекстуального подходов позволяет охватить как внутреннюю организацию генеалогических преданий, так и их функции в контексте этнической идентичности, культурной памяти и нарративного конструирования прошлого.

Теоретическая значимость исследования заключается:

1. в выявлении закономерностей структурной организации бурятских генеалогических нарративов и выделении их ключевых мотивов, что может впоследствии быть использовано в том числе для составления фольклористических указателей и каталогов;
2. в разработке проблемы интертекстуальных связей бурятских генеалогических нарративов с явлениями традиционной письменной культуры и другими фольклорными жанрами.

Практическая значимость диссертации определяется возможностью применения ее результатов:

1. при систематизации архивных фольклорных материалов;
2. в преподавательской деятельности при чтении лекционных курсов по фольклористике, мифологии, этнографии;
3. в общественной и просветительской работе, деятельности по сохранению и изучению нематериального культурного наследия бурят.

Положения, выносимые на защиту:

1. В структуре бурятских генеалогических преданий выделяются следующие мотивемы: чудесное рождение, иноэтническое происхождение, разделение братьев и переселение.

⁴³Ong W. J. *Orality and Literacy*. New York; London: Routledge, 2002. 204 p.

⁴⁴Vansina J. *Oral Tradition: A Study in Historical Methodology*. Chicago: Aldine, 2006. 226 p.

⁴⁵Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

2. Генеалогические предания представляют собой отдельную область бурятской несказочной прозы, характеризующуюся набором мотивов, которые в рамках повествования могут реализовываться в различной последовательности, при этом принадлежать как одной мотифеме, так и разным.

3. Характерные для бурятских генеалогических преданий мотифемы получили отражение в историко-летописных сочинениях, претерпев трансформацию под воздействием монгольской и тибетской литературных традиций.

4. В бурятской традиционной культуре генеалогические таблицы неразрывно связаны с устными преданиями, каждая из этих форм может выступать средством воспроизведения другой, обеспечивая взаимную поддержку и сохранение генеалогической информации.

5. Генеалогические прозвища-присловья выполняют функцию мнемотехники, «сворачивая» сложные сюжеты в компактный словесный код, который легко воспроизводится и активирует в памяти комплекс связанных нарративов. В их структуре отражены основные мотифемы, характерные для бурятских генеалогических преданий, что придаёт присловьям значение компактного воплощения коллективной памяти.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списков архивных материалов, источников и использованной литературы и одного приложения.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы 7 статей, 3 из них – в журналах, рекомендованных ВАК. Основные положения также представлены в виде докладов на научных конференциях российского и международного уровней: «Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв.», посвященной 100-летию Республики Бурятия (г. Улан-Удэ, 2023 г.), «Цыбиковские чтения – X», посвященной 150-летию со дня рождения Г. Ц. Цыбикова (г. Улан-Удэ, 2023 г.), научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы литературоведения, языкознания и культуры Восточной Сибири, Монголии и Китая» (г. Улан-Удэ, 2023 г.), Межрегиональной научно-практической конференции «Хангаловские чтения-2023», посвященной 165-летию М.Н.

Хангалова (п. Усть-Ордынский, 2023 г.), «Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 77-летию со дня рождения Лидии Григорьевны Скородумовой» (г. Москва, 2024 г.), Международной конференции «Литературный Восток: образы эпох» (г. Москва, 2025 г.), Всероссийской конференции «Современные тенденции развития гуманитарной науки: достижения и перспективы» (г. Горно-Алтайск, 2025 г.), а также на Научном семинаре Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ (г. Москва, 2023 г.).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначается предмет и объект исследования, приводится история изучения вопроса, обосновывается актуальность и новизна работы, ставятся цель и задачи, описывается теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость исследования.

Глава 1 «Структура и семантика генеалогических преданий бурят» посвящена исследованию структурной организации нарративов о происхождении бурятских племён и родов, а также анализу семантики их составных компонентов, парадигматических и синтагматических характеристик.

В **параграфе 1.1. «Проблемы терминологии: генеалогическое предание, мотифема, мотив, алломотив»** уточняются ключевые понятия, определяющие теоретико-методологическую основу исследования. Рассматриваются подходы к разграничению таких жанров сказочной прозы, как миф, легенда и предание, а также специфика применения понятия «жанр» в отношении устной традиции. Определяется, что генеалогические повествования бурят обладают тематическим разнообразием, функционируют в ритуальной и повседневной коммуникации и выполняют важную роль в формировании коллективной памяти и этнической идентичности. В рамках работы генеалогическое предание определяется как повествовательный текст с установкой на достоверность, повествующий о происхождении той или иной этнической группы. Уточняются понятия мотифемы, мотива и алломотива: под мотифемой понимается инвариантная схема отношений между субъектами и объектами повествования; под

мотивом — конкретная реализация этой схемы в событийной структуре, алломотивы же представляют собой текстовые воплощения того или иного мотива в различных вариантах преданий.

В параграфе 1.2. «Чудесное рождение» исследуются нарративы о происхождении родоначальников бурятских племён и родов, в которых реализуется мотивема чудесного рождения. Рассматриваются историко-этнографические и филологические подходы к изучению подобных повествований, включая интерпретации через призму тотемизма, структурализма и мифологического мышления. Выделяются основные мотивы и их варианты: 1) *божество порождает родоначальника* (варианты мотива: рождение от божества, отречённого от мира божеств; перемещение родоначальника из мира божеств; беременность от божества); 2) *волшебный родитель – животное* (варианты: животное принуждает к связи; девушка вступает в связь с животным добровольно); 3) *рождение от предмета неживой природы*; 4) *чудесное обретение детей людьми* (варианты: обретение детей бездетными людьми; животное помогает обрести, найти или воспитать детей); 5) *зарождение родоначальника в неживой природе*; 6) *мнимое чудесное рождение*. Анализ показывает, что предания о чудесном рождении выполняют функцию объяснения происхождения этнической группы и закрепления сакрального статуса её основателя, формируя культурную модель происхождения через контакт с трансцендентным началом.

В параграфе 1.3. «Иноэтническое происхождение» анализируются генеалогические предания бурят, в которых происхождение родоначальника обозначается через связь с представителями других этнических групп. Определяются следующие мотивы данной мотивемы: 1) *брак с женщиной из другого этноса*; 2) *рождение ребёнка после похищения*; 3) *ребёнок-найдёныш становится родоначальником*. Автор приходит к выводу, что такие нарративы придают фигуре родоначальника промежуточный, пограничный статус между «своим» и «чужим», отражая социальные и культурные механизмы интеграции или стигматизации. Показано, что межэтнические браки могут восприниматься как средство примирения враждующих групп, а также как обоснование исключительности родовой линии.

Нарративы фиксируют патриархальные установки, социальную конкуренцию и экзогамные нормы, при этом устная традиция выполняет роль передачи сложных моделей родовой идентичности и межэтнических взаимодействий. Таким образом, данная мотифема раскрывает многоплановое понимание чужеродности и её значения в традиционной бурятской культуре.

В параграфе 1.4. «Разделение братьев» анализируются генеалогические нарративы, в которых братья в результате различных событий расходятся и становятся родоначальниками отдельных родов или племён; в отдельных случаях подобные функции выполняют и другие родственники, а реже — персонажи, не связанные узами родства. Подобные повествования отражают патрилинейную систему наследования и социальную организацию традиционного бурятского общества, в котором родственные связи и территориальная дифференциация рассматриваются как основа этнической самоидентификации. Данная мотифема включает в себя следующие мотивы: 1) *братья разделяются в результате ссоры*; 2) *братья разделяются по наставлению*; 3) *братья разделяются самостоятельно*. Каждый из них демонстрирует различные механизмы объяснения происхождения родов, территориального расселения и взаимосвязей между этническими группами, при этом сохраняется символическое родство и этническое единство. Параграф подчёркивает роль этих мотивов в моделировании социальных норм, исторической памяти и фольклорной интерпретации генеалогии.

В параграфе 1.5. «Переселение» рассматриваются предания, в которых происхождение определённой родовой или племенной группы соотносится с её переселением на новые территории либо с вхождением в состав иного государственного образования. В устной традиции бурят можно выделить два мотива, через которые реализуется данная мотифема: 1) *переселение из Монголии* (варианты мотива: переселение из-за неблагоприятных условий, переселение вследствие конфликта с правителем); 2) *переселение из Предбайкалья* (варианты: переселение вследствие притеснений со стороны русских, переселение вследствие междоусобных конфликтов, переселение в поисках новых или лучших земель, переселение в результате брака). Показано, что переселение в

фольклорной памяти бурят воспринимается не просто как описание миграции, но выполняет функции легитимации политического порядка, нарративного обоснования коллективной идентичности и символического перехода к новой социальной и территориальной реальности.

В параграфе 1.6. «Синтагматические связи между мотивами» анализируются взаимодействия между мотивфемами и мотивами, выделенными в предыдущих разделах. Сравнительный анализ выявляет значительную вариативность их сочетаний и порядка следования в текстах. Генеалогические повествования характеризуются гибкой структурой: отдельные структурные компоненты могут укорачиваться, переставляться или объединяться. Рассматриваемый материал демонстрирует, что в одном тексте могут переплетаться мотивы как одной мотивфемы, так и разных, что отражает специфику устной традиции и подчеркивает живость и динамичность фольклорного материала.

Глава 2 «Интертекстуальные связи генеалогических преданий» посвящена исследованию взаимодействия преданий о происхождении с элементами письменной традиции бурят, включая летописные сочинения и родословные таблицы, также рассматриваются генеалогические прозвища-присловья как тематическая разновидность жанра.

В параграфе 2.1. «Генеалогические предания в текстах бурятских летописей» анализируются способы интеграции фольклорных нарративов о происхождении в структуру бурятских хроникальных сочинений XIX – начала XX века. На материале хоринских, селенгинских и баргузинских летописей показано, что все выявленные в первой главе диссертации мотивфемы (чудесное рождение, иноэтническое происхождение, разделение братьев и переселение) находят своё отражение в письменных текстах, как сохраняя свои сюжетные и семантические функции, так и трансформируясь. Посредством их включения авторы хроник реализуют идеи о родстве своей этнической группы с Тибетом и Монголией, о едином происхождении западных и восточных бурят, а также обосновывают права на свою самостоятельность и независимость. Определены два композиционных сценария включения генеалогических сюжетов: сакрализующий пролог и

интегративный срединный блок. Различие в их позиционировании отражает смену функций одного и того же предания — от символического «начала времён» до инструмента идеологического включения в более поздний исторический контекст. Также показана прагматика вариативности персонажей (Баргу-батора, Хоридоя, шаманки Асуйхан и др.) и то, каким образом авторы изменяют их для создания разных моделей групповой идентичности.

В параграфе 2.2. «Генеалогические предания и родословные таблицы» рассматривается взаимосвязь устных генеалогических преданий и письменных родословных таблиц бурят, выполнявших как социально-регулятивные, так и сакрально-символические функции. Показано, что родословные фиксировали структуру рода, обеспечивали преемственность памяти и служили инструментом самоидентификации. В восточно-бурятской традиции они имели письменный и административный характер, тогда как у западно-бурятских групп передавались в устной форме вместе с преданиями о происхождении. Анализ демонстрирует, что генеалогическая таблица и предание функционировали как взаимодополняющие формы коллективной памяти, где письменная структура придавала упорядоченность, а фольклорный нарратив — смысловую и эмоциональную наполненность. Через включение мотивов чудесного рождения и переселения устные нарративы восполняли лакуны в памяти и встраивали род или племя в конкретный историко-географический контекст, тем самым конструируя коллективную идентичность.

В параграфе 2.3. «Генеалогические прозвища-присловья» исследуются словесные формульные выражения, связанные с названиями и характеристиками этнических групп. Эти выражения тесно коррелируют с мотифемами, рассмотренными в первой главе, — *чудесного рождения, иноэтнического происхождения и переселения*. Каждая мотифема характеризуется наличием специфических присловий, обладающих собственными грамматическими и стилистическими особенностями. Структурная устойчивость этих формул, а также присутствие аллитераций, ассонансов и ритмических повторов свидетельствует о том, что подобные прозвища-присловья выполняют мнемоническую и

идентификационную функции, обеспечивая удобство запоминания и воспроизведения генеалогических преданий при устной передаче.

В **заключении** подводятся итоги исследования. Проведенный анализ позволил выявить наличие в текстах преданий о происхождении этнических групп бурят устойчивых структурных компонентов, а также проследить особенности их функционирования в различных нарративных средах — от устных преданий до письменных исторических хроник. Полученные результаты показали, что бурятские генеалогические предания представляют собой сложную повествовательную систему, отражающую базовые элементы этнической идентичности и механизмов культурной памяти. Выделенные мотифемы представляют собой инвариантные схемы, воспроизводящиеся в различных сюжетах и выполняющие важные функции в формировании коллективной памяти.

Проведённый анализ выявил не только устойчивость ключевых мотифем, но и высокую степень вариативности внутри каждой из них, что свидетельствует о живом характере фольклорной традиции и её способности адаптироваться к меняющимся социальным и культурным условиям. Концептуальное использование категорий мотифемы, мотива и алломотива позволило выстроить целостную модель повествовательной структуры бурятских генеалогических преданий, зафиксировать механизмы инвариантности и вариативности. Фиксируемая изменчивость порядка мотивов свидетельствует о пластичности синтагматических структур, обеспечивающей их приспособляемость к различным повествовательным задачам. Это, в свою очередь, делает малопродуктивным рассмотрение генеалогических преданий в качестве исторического источника ввиду особенностей этих нарративов.

Представленное исследование позволило рассмотреть, как устная генеалогическая традиция бурят преобразуется и «встраивается» в летописную традицию, становясь инструментом культурной памяти и этнической самоидентификации. Установлено, что родословные таблицы и устные предания функционируют как единая система: таблица задаёт структуру, а устное повествование насыщает его культурными смыслами. Исследование

генеалогических прозвищ-присловий позволило зафиксировать важнейшую функцию этих формул — не только маркировочную, но и мнемоническую: они служат средством фиксации и воспроизводства родовой памяти, выполняют роль «сжатых» нарративов.

Таким образом, бурятские генеалогические предания и связанные с ними тексты образуют живой, гибкий и многослойный интертекстуальный комплекс, в котором устное и письменное не противопоставлены, а взаимно дополняют друг друга, создавая рамки для этнической самоидентификации. Осмысляя эту диалектику, мы получаем более точную картину традиционной идентичности бурят.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ

1. Дебенова З. А. Мотив связи человека и животного в генеалогических преданиях бурят // Этническая культура. 2023. Т. 5, № 4. С. 15–21.

2. Дебенова З. А., Исаков А. В. Предания о переселении из Монголии в фольклоре и исторических хрониках бурят // Ориенталистика. 2024. Т. 7, № 2. С. 420–431.

3. Дебенова З. А. Генеалогические предания в текстах хори-бурятских исторических хроник XIX-XX вв. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2024. Т. 21, № 3. С. 111-118.

4. Дебенова, З. А., Дашибалова Д. В. Бурятские генеалогические прозвища-присловья// Филология: научные исследования. 2025. № 9. С. 36–45.

Публикации в иных научных изданиях

5. Дебенова З. А. Бурятские родословные как средство сохранения культурного наследия // Культурное наследие: исторический опыт и современные интерпретации (к итогам Года культурного наследия народов России) Сб. ст. / Под редакцией В. А.

Тишкова; сост. Б. А. Синанов, В. В. Тишков/ М.: ИЭА РАН. 2023. С. 261–274.

6. Дебенова З. А. Тотемистические воззрения бурят (по материалам С. П. Балдаева) // Культура Центральной Азии: письменные источники. – 2023. – № 16. – С. 148–156.

7. Дебенова З. А., Исаков А. В. Локальные особенности предания о Хоридое в фольклоре бурят Прибайкалья (по материалам С. П. Балдаева) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 4. С. 62–68.